

Вместо пролога

Несколько лет назад, во времена своего обучения в Японии, я знал человека с декадентской фамилией Спад (и здесь не обойтись без уютного покашливания упитанных предисловий) — ему, собственно, и принадлежит вся приведённая ниже история, единственно название которой («Марута: наблюдения и смерть любознательного наркомана» — так звучит оно в полной форме) предложено лично мной.

Наше знакомство было поверхностным, и о Спаде я знал то немногое, что он, как и я, убеждённый мигрант, студент Токийского университета,

промышляющий какой-то интернет-специальностью (питая при этом парадоксальную нетерпимость к гибридным англицизмам профессионального жаргона, что любил лишний раз подчеркнуть).

Виделись мы большей частью в гостях у моих друзей, куда он изредка и ненадолго приходил, хотя его «таинственного» собеседника, что не раз появится в дальнейшем, встречать мне не доводилось – в равном неведении о нём состоят и друзья, так что не исключаю здесь ни авторского вымысла, ни определённых искривлений сознания.

Да, запомнился ещё отдельный эпизод – литературный вечер в

тихом кафе с янтарным освещением, где Спад присутствовал неясно в качестве кого, и где он некрасиво выделился тем, что в тот момент, когда заслуженный поэт Стихотворений Разных, — в своё время отличившийся сентиментальным сборником «Горячий огонь», а ныне доживающий свой век в Токийской префектуре, у каких-то баснословно далёких родственников, — прочищал своё простуженное горло, собираясь, вероятно, заговорить (или, быть может, даже что-нибудь прочесть), он, Спад, весь вечер угрюмо молчавший в углу, вдруг завязал довольно грубый спор с литературным критиком Астафьей

Немножко, ранее высказавшейся в поддержку пугающей, отечественной выделки, языковой реформы, предполагавшей пересмотр орфографических норм на основе популярных фонетизмов.

Так вот, учитывая шапочный характер нашего знакомства, я был немало удивлён, когда глухой зимой, в снегопад, получил от Спада объёмистую пачку блокнотов, записных книжек и обрывчатых телефонных аудиозаписей, содержащих не что иное, как фрагментарную стенографию последних лет его жизни.

Снести и уточнить судьбу материала нам, впрочем, не удалось – бандероль сопровождалась лишь

подписью, всевозможные расспросы оказались бесплодными, и только ближе к весне я узнал от кого-то, что Спад был найден мёртвым в одной из секций городского интернет-кафе, обустроенного под карикатурное общежитие. Среди его немногочисленных вещей было обнаружено несколько просроченных библиотечных книг, в том числе небезызвестные «Воспоминания об Особом отряде 731», откуда мной и взята первая часть нынешнего заглавия.

Необходимо заметить также, что Спад никогда не настаивал на публикации, но в то же время и никак не запрещал её. Поэтому надеюсь, он не стал бы возражать

против моей инициативы сделать его прошлое чуть более отчётливым и заметным.

На этом, проворно расшаркиваясь и нарочито неслышно ступая, автор вступительного слова скрывается за кулисами. Медлительно гаснут тяжёлые лампы, и кто-то как всегда успеваает гулко хмыкнуть мужественной гортанью. Несколько мгновений спустя начинается...

Часть I

1

Серо-белый февраль за холодным окном освещает бумажный лист, чью безликую гладь скоблит сейчас торопливое жало золистого грифеля. Волнятся обрывки паутины вдоль жидких рам, настойчиво лезет за шиворот пронизательный сквознячок, и стылая толщя облупленного подоконника холодит костяшки пишущих пальцев, пока колени контрастно горят у твёрдых радиаторных рёбер, окрашенных в армейский цвет. В эти минуты, напряжённо дрожа под серпянкой захватанного пальто, некогда

бывшего бежевым, я желаю лишь одного – бесценного слияния с веществом, прочно включившимся в мой метаболизм, но надо дожидаться вечера, а скользкий и пасмурный день, как назло, затянулся над мокрым городом, хлюпая солёной грязью под колёсами проезжающих машин, отрывисто грохая тяжеловооружёнными дверями подъезда, пропахшего старыми окурками в табачной жиже кофейных банок – так, кажется, пахнет этот гнилой, выедающий коричневые язвы в снежном покрове туман.

Довольно иронично, что пишу я на взятых у лифта нарколологических листовках (холодные глаза безликих

докторов, борцовские фигуры медсестёр, флегматичные морговые санитары).

Бескомпромиссный тон этих прокламаций напоминает изобличительную поступь тех одиозных телесюжетов, где жуткие, почти одушевлённые наркотики *убивают* своих беспомощных жертв (замирающий возглас закадровых зрителей), в то время как махровые дельцы подспудно богатеют, почёсывая шерстяные животы и плотоядно ухмыляясь из-под роскошных солнечных очков. На заднем плане, в скрюченной спазме, вопит убитая горем мать; бюджетный гроб с её бесценным сыночком неспешно скрывается под

пригоршнями могильного грунта (а в детстве был такой способный... попал в плохую компанию), салатова гангренозная девица постанывает на хирургическом столе, и очередное значительное лицо, увязая в трюизмах, грозит надувным кулаком в адрес коварных распространителей, обещая таки сделать то, чего не смог ни один авторитарный вурдалак – положить всему этому конец, тошнотворного цвета, как водится, плитка вдруг проламывается в обморочную трясину, и корявые, липкие тени всплывают со дна, – я не хочу, – липкий пот прокатывается по спине, – спастически хватаюсь за перила загипсовелыми пальцами,

блокированный подо льдом – что где-то смутно уже случилось – и горькая рвота уже у горла, страх последнего вдоха, мгновение перед синкопой; думай о горячих камнях – это всегда мне почему-то помогает; плотный и плавкий подъезд, обступая, густеет, твoroжится пепельный свет, и некие хрупкие связи льдинками ломаются в нём; что-то похожее на северный дождь течёт по наклонившимся стенам, которые каким-то образом – часть моей кожи; я вижу диафильм: странно знакомое лицо на старом фото, вздымающее полы пальто «только вчера» в обветренных конструкциях французского вокзала, страшный запах операционных и

вкус тропической ползучей мерзости, бюджетный спазм розоватого зрителя, попавшего в плохую компанию гигантских ядовитых ногочелюстей; *метро из плоти* чавкало сфинктерами где-то на заднем плане одной заплёванной империи (замирающий возглас смутно плывёт под слюной); Тайбэйские пригоршни солнечных сюжетов смотрелись в иероглифе сожжённых спичек; вертикальный железный гроб на черты персоны закадровых зрителей слышался вверх, где морговые глаза безликих докторов каким-то образом *убивают снег* в изъеденном мраморе Старого плана; но больше ничего не удаётся увидеть, поскольку всему положено

обещанное багровение, и сотни тысяч одинакового размера сапог, маршируя под прелым, идеологически правильным солнцем, равняют свежие холмы могильного грунта на пути в свой поголовный Эдем...

Прибывший элеватор разом выпрастывает меня из навалившегося упадка. Дребезжа, разъезжаются двери; одышливо сопя и наковально ступая, *нечто* выходит оттуда; его болоньевые штаны и продуктовые пакеты шуршат по-хозяйски пошло, а ключная связка пронзительно долго гремит, покуда я, не дыша, тихонечко жду, неподвижно припав к батарее... Столкнувшись стальными губами, смыкаются створки лифта, и

только спустя целую м и н у т у, бороздка ключа находит личину и полудюжиной хрустящих оборотов отмыкает-таки баснословный замок. Ударив железной дверью, оно исчезает в своей берлоге. По счастью, не приметив меня, бессильно съёжившегося на полуплощадке.

Мне следует хоть как-то подкрепиться, иначе до вечера я просто не продержусь.

Чтобы попробовать приобрести хотя бы Аналог, который также отпускается теперь по рецепту, но только за этим почему-то следят не столь строго, я решаю спуститься в аптеку у подножья дома. Благо у меня ещё имеются кое-какие деньги; не стану рассказывать, как они мне

достались – это слишком унижительно.

Нетвёрдо выбираюсь вниз, на скользкий тротуар. Отравленные лужи издают подо мной плотоядные звуки, сырость и беспокойство проникают всё ослабленное тело. Преодолев эти тридцать с чем-то взбудораженных шагов, я чуть ли не вбегаю внутрь; там, в чистоте, ряды аккуратных полочек, будоражащий запах лекарств и пожилая женщина-провизор типа «с вами всё ясно». Подскочив к ней, я выпаливаю, суетливо теребя обтруханный подборт пальто: – День добрый, у вас есть К?!

И обмер, поняв, что сказал.

– К? – в холодных очках

сверкнуло беспощадное «с вами всё ясно». – Есть. Сколько вам?

Я начинаю дрожать, как возбуждённый енот.

– Э-э... А сколько имеется в наличии?

– Да сколько угодно.

Нетерпеливо шмыгая носом, погрузив заледенелые пальцы во внутренний карман, я...

– При наличии рецепта, разумеется, – ударом топора обрушилось вдогонку.

Вот и всё. И тряпичная рука выпадает у меня из кармана.

Чтобы хоть как-то спасти положение, я принимаюсь спонтанно, с нездоровым оживлением говорить: – И это

совершенно очевидно, мой вопрос – простое проявление гражданского любопытства: насколько быстро претворяются в жизнь те или иные постановления; мне, в сущности, нужен Аналог, всего лишь Аналог, то есть даже и не он, что, в общем-то, не совсем так, но ведь это совершенно не важно! Не важно ведь, а? Ну так он у вас есть или нет? Есть?!

Аптекарьша пугающе молчала, настороженно следя за лихорадочными движениями моих вибрирующих рук. И вдруг я заметил, как её рука проделала какое-то короткое движение под крышкой белого прилавка. Кажется, доигрались. Теперь хорошо, если я выйду отсюда хотя бы без

сопровождения, не то что с какими-то таблетками. Какое всё-таки идиотство, и о чём я мог думать, почему не дождался... И тут до меня доходит, что всё время пока я говорил, кто-то *уже* находился в аптеке, и этот кто-то беззвучно стоит сейчас у меня за спиной. Переглотив, я нервно оборачиваюсь... Внутри по-прежнему пусто и чисто, и лишь мои громоздкие ботинки источают талую грязь на вымытый голубоватый кафель.

- Аналог, кажется, оставался. Сейчас посмотрю, обождите, - произносит, наконец, провизор, удаляясь в подсобку (и захватив между прочим пару каких-то